

Я.Г. Тестелец

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация;

Институт языкознания Российской академии наук,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Ролевые языки Северного Кавказа: идея А.Е. Кибрика через 40 лет

В статье на основе нового материала рассматриваются теоретические предпосылки и основные положения идеи ролевого типа языков, выдвинутой в лингвистической типологии около 1980 г. У. Фоли, Р. Ван Валином и А.Е. Кибриком, а также анализируется материал языков восточно- и западнокавказской языковых семей, в первую очередь языков Дагестана, которые А.Е. Кибрик причислил к ролевым. Ролевыми языками называются такие, в которых морфосинтаксические средства оформления аргументов непосредственно выражают семантические роли, без промежуточного уровня грамматических отношений (членов предложения). Показывается, что признаки падежного управления глаголов, отсутствия пассивного залога, нейтральности или ролевой ориентации функциональных признаков грамматического приоритета не коррелируют и, скорее всего, не образуют единого «ролевого» типа.

Ключевые слова: восточнокавказские языки, западнокавказские языки, ролевые языки, грамматические отношения, пассивный залог, эргативность

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках». Автор выражает благодарность анонимным рецензентам журнала, чьи замечания были учтены; все недостатки статьи принадлежат автору.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тестелец Я.Г. Ролевые языки северного Кавказа: идея А.Е. Кибрика через 40 лет // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 65–83. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-65-83

© Тестелец Я.Г., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-65-83

Ya.G. Testelet

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation;

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

The role languages of the North Caucasus: A.E. Kibrik's idea after 40 years

In the paper, we present new material to evaluate the theoretical assumptions and basic claims of the idea of “role languages” which was put forward in the linguistic typology about 1980 by William Foley, Robert Van Valin and Aleksandr E. Kibrik. Our point of special interest are the languages of the East and West Caucasian families, including the East Caucasian languages of Dagestan which Kibrik claimed to belong to the role type. Role languages are those in which the morphosyntactic marking of arguments are directly determined by semantic roles, with no intermediate level of grammatical relations like subject and object. It is shown that the characteristics of case marking of verbs' arguments, lack of the passive voice, neutrality or role orientation of functional priority features do not correlate and most likely do not form any consistent “role type”.

Key words: East Caucasian languages, West Caucasian languages, role languages, grammatical relations, passive voice, ergativity

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 17-18-01184 “Communicative organization of natural discourse in spoken and sign languages”.

The author thanks the journal's anonymous reviewers whose comments have been taken into account; all shortcomings are the author's.

FOR CITATION: Testelet Ya.G. The role languages of the North Caucasus: A.E. Kibrik's idea after 40 years. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 65–83. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-65-83

Введение

В 1964 г. вышла в свет монография [Katz, Postal, 1964], оказавшая большое влияние на генеративную лингвистику и опосредованно – на другие направления науки о языке. Дж. Катц и П. Постал показали, что правила английского синтаксиса, которые традиционно рассматривались как меняющие значение предложений, например, связанные с выражением вопроса, отрицания или императива, могут быть сформулированы в виде трансформаций, только если в глубинной структуре, т.е. до применения трансформационного компонента, содержатся абстрактные единицы, выражающие эти значения (Underlying Trigger Morphemes) – элементы I, Neg и Q, «запускающие» императивную, отрицательную или вопросительную трансформации соответственно; в современных версиях генеративной теории эти элементы грамматической модели соответствуют неинтерпретируемым признакам [Chomsky, 1999].

В связи с выдвинутой Катцем и Посталом на основе этих результатов гипотезы «трансформации не меняют значения» стали обсуждаться еще две идеи:

- 1) единицы глубинного уровня и правила их соединения универсальны и, возможно, представляют язык мышления;
- 2) грамматические различия между языками могут быть целиком отнесены к трансформационному компоненту.

Захватывающая перспектива открытия и описания понимаемых таким образом глубинных структур вдохновила генеративную семантику, включая ее советскую версию [Падучева, 1974], модель «Смысл–Текст» И.А. Мельчука и надежную грамматику Ч. Филлмора, т.е. тот круг авторов и идей, который в наибольшей степени повлиял на А.Е. Кибрика в первый период его работы с языками Дагестана в 1970–1980-е гг. Цели этого теоретического тренда видны из характерной для того времени цитаты: «обеспечить переход от смысловой структуры предложения к ее конкретным репрезентациям... интерес ко всему скрытому,.. ко всему, не данному в поверхностной реализации языка,.. стремление создать универсальную модель, применимую к описанию предложений любого языка, отнесение языковых универсалий в область семантики» [Арутюнова, 1972, с. 296].

Из гипотезы, согласно которой глубинная структура совпадает с семантической, следовало, что могут найтись языки, в которых отсутствует трансформационный компонент или по крайней мере та его часть, которая «перепутывает» соответствие между элементами семантической и грамматической структуры. Предполагалось, что такие языки, если они будут обнаружены, окажутся подарком для теоретиков,

поскольку в них наблюдаемые конструкции совпадут с глубинными структурами, и тогда можно будет увидеть, насколько эти конструкции похожи на те глубинные структуры, которые лингвисты получают в результате анализа данных языков с развитым трансформационным компонентом.

На рубеже 1970–1980-х гг. Р. Ван Валин и У. Фоли, выдвинувшие проект типологически ориентированной теории «референциально-ролевой грамматики» [Van Valin, Foley, 1980, 1984; Van Valin, 1993], и А.Е. Кибрик (1979а; 1980b) независимо, но и не без определенного влияния друг на друга, пришли к выводу, что такие языки существуют.

Ролевыми языками, согласно А.Е. Кибрику, Р. Ван Валину и У. Фоли, называются такие, в которых морфосинтаксические средства выражения аргументов базовых конструкций, в первую очередь падеж и актантно-предикатное согласование, ориентированы непосредственно на роли и гиперроли (агенса vs. пациенса, актора vs. претерпевающий, бенефактива, экспериенцера, абсолютива, ...), минуя промежуточный уровень грамматических отношений (членов предложения), таких, как подлежащее и дополнение. Восточнокавказские (нахско-дагестанские) языки, по А.Е. Кибрику, – последовательно ролевые. Арчинский язык характеризуется как ролевой – хотя этого термина еще нет – в «Опыте структурного описания арчинского языка» [Кибрик, 1977а, с. 30]; дальнейшее развитие идеи см. в [Кибрик, 2003; Van Valin, 2003].

За прошедшие десятилетия был накоплен значительный материал, который, во-первых, показывает, что западнокавказские языки (адыгской и абхазо-абазинской ветвей) также могут быть охарактеризованы как ролевые, и, во-вторых, ставит под сомнение ценность понятия ролевых языков для грамматической теории и типологии. Задачей нашей статьи является краткий обзор и оценка этих фактов.

В разд. 1 статьи мы рассмотрим характеристики дагестанских языков, на основании которых А.Е. Кибрик причислил их к ролевым; в разд. 2 пойдет речь о грамматических асимметриях, функциональных признаках и их ролевой ориентации; в разд. 3 – вопросы о составе глагольного словаря и об отсутствии в языках северного Кавказа залоговых и конверсивных парадигм; в Заключении будут подведены итоги исследования.

1. А.Е. Кибрик о ролевом типе дагестанских языков

В «референциально-ролевой грамматике» [Van Valin, Foley, 1980] ролевыми называются языки, в которых нет «прагматической структуры», а грамматика ориентирована на семантические роли. Под «прагматической структурой» имелась в виду предполагаемая семантика

залоговых преобразований, меняющих соответствие между ролями и грамматическими отношениями, причем определить этот круг значений авторам удастся только в расплывчатом виде («речевая выделенность», «фокус интереса говорящего» и т.п.). К ролевым Р. Ван Валин и У. Фоли отнесли ряд америндских языков: лакота, туника, тонкава, ирокезские и др., австралийские языки вальбири и дяри, папуасские языки энга и йимас и тибетский язык. Например, в языке чокто (семья мускоги, Северная Америка) подлежащее определяется в соответствии с иерархией ролей

(1) *агенс > пациенс > датив > прочие*

как именная группа (ИГ) самого высокого ранга в (1) и отсутствуют пассивные конструкции, которые могли бы продвинуть в позицию подлежащего ИГ с менее приоритетной ролью [Heath, 1977].

В типологической классификации А.Е. Кибрика (2003) ролевые языки представляют собой разновидность одноосевых, т.е. ориентированных на единственный фактор кодирования именных групп в предложении, в данном случае – на роли. Как и Р. Ван Валин и У. Фоли, А.Е. Кибрик объединяет роли, выступающие при разных типах предикатов, в более крупные единицы – гиперроли, но, в отличие от них, использует не универсальное противопоставление актора (Actor) и претерпевающего (Undergoer), а разные гиперроли для разных типов структуры элементарного предложения внутри класса ролевых языков.

Среди ролевых языков слабо засвидетельствованы семантически аккузативные, противопоставляющие гиперроли «принципала», или «главного участника» и «пациентива», т.е. пациенса при переходном глаголе – в качестве единственного кандидата упоминается язык навахо атапаскской семьи, и семантически активные – возможно, представленные ачехским языком австронезийской семьи. Лучше документированы семантически эргативные языки, ориентированные на гиперроль абсолютива, или

(2) *«наиболее непосредственного, ближайшего участника события, наиболее затрагиваемого им и вовлеченного в него»*
[Кибрик, 2003, с. 147];

курсивом автор подчеркивает, что речь идет о шкале вовлеченности в событие, на которой один из участников занимает приоритетное положение сравнительно с другими. К числу таковых, согласно А.Е. Кибрику, относятся баскский язык и многочисленные, в том числе описанные им самим, языки Дагестана, относящиеся к восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семье.

Эргативность в восточнокавказских языках, согласно А.Е. Кибрику, «явление глубоко семантическое» [Кибрик, 1977а, с. 27] и ориентирована на гиперроль абсолютива: «речь идет о том участнике ситуации, который в ней непосредственно участвует, которого она непосредственно затрагивает (независимо от степени его активности)... семантическая мотивированность средств выражения... препятствует образованию категории залога (и более того, смене диатез)» [Там же, с. 28–29]. В иллюстрирующей эргативную систему парадигме арчинского языка (3) А.Е. Кибрик увидел, вопреки предшествующей традиции изучения эргативности, не особый вид соотношения между синтаксической и морфологической структурами, как, например, у С. Андерсона [Anderson, 1976] или Р. Диксона [Dixon, 1994], и не особый вид синтаксической структуры, как у П.К. Услара (1889) или Ф. Планка [Plank, 1979], а отсутствие отдельного уровня синтаксических отношений, или членов предложения [Кибрик, 2003, с. 126]; немаркированный падеж (абсолютив) и контроль классно-числового согласования в глаголе – приоритетные грамматические свойства не подлежащего и не дополнения, а гиперроли абсолютива, о семантике которой см. выше (2):

- (3) a. *dija* *w-akdi*
отец.1.ABS¹ 1-уходить
'Отец ушел.'
- b. *buwa* *d-akdi*
мать.п.ABS п-уходить
'Мать ушла.'
- c. *buwa-mu* *dija* *o<-w->ka*
мать-ERG отец.1.ABS приводить<1>
'Мать привела отца.'
- d. *dija-mu* *buwa* *o<-r->ka*
отец-ERG мать.п.ABS приводить<п>
'Отец привел мать.'

Семантическую «прозрачность» грамматики арчинского и других дагестанских языков А.Е. Кибрик обнаружил и в тех конструкциях, где в русском языке синтаксических валентностей больше, чем семантических; в ролевых языках таких «лишних» валентностей предсказуемо

¹ Сокращения: 1, 2 – 1-е, 2-е лицо; ABS – абсолютив; ADD – аддитивная частица; AOR – аорист; AUX – вспомогательный глагол; CNV – конверб; DAT – дательный падеж; DCL – изъяснительное наклонение; ERG – эргатив; GEN – генитив; H – одушевленный; I, II, IV – I, II, IV согласовательный класс; INF – инфинитив; INS – интенсификатор; LOC – локатив; M – мужской класс; NH – неодушевленный; OBL – косвенная основа; PASS – пассив; PST – прошедшее время; RE – рефактив; RFL – неизменяемый рефлексив; SG – единственное число.

не обнаружилось. Например, в арчинском языке нет «расщепления валентностей» по Ю.Д. Апресяну [Апресян, 1967, с. 159–161; Апресян, 1974, с. 153], или «конструкции с внешним посессором» [Кибрик, 2003, гл. 14], когда при глаголах воздействия типа *ударить*, *тронуть*, *схватить*, имеющих одну семантическую валентность на объект воздействия, обнаруживается синтаксическая валентность дополнения со значением посессора: *ударить человека по лицу*, *удалить больному зуб*, *ухватить мальчика за руку* и т.п. «В арчинском языке синтаксические и семантические валентности совпадают» [Кибрик, 1977а, с. 30]:

(4) *zari towmu-n kul č'eInne*
 я.ERG он-GEN рука сжимать.AOR
 'Я ему (букв. его) руку сжал.'

(5) *towmu-n lagi ac:'is exdi*
 он-GEN живот болеть начать.AOR
 'У него (букв. его) живот заболел.'

А.Е. Кибрик обратил также внимание на то, что постулированная Е.В. Падучевой в результате анализа предикативных посессивных конструкций в русском языке глубинная структура с экзистенциальным глаголом, единственным семантическим актантом и его посессивным определением типа 'мои деньги имеются' [Падучева, 1974, с. 239] в арчинском языке «представлена на поверхностном уровне» [Кибрик, 1977а, с. 30]. Таким образом, дагестанские языки, как казалось, способны сыграть указанную выше роль, т.е. подтвердить или опровергнуть точность грамматического анализа, предполагающего ненаблюдаемые глубинные структуры для языков с трансформационным компонентом:

(6) *is arsi i*
 я.GEN деньги.IV есть.IV
 'У меня есть деньги.'

Третий том «Опыта структурного описания арчинского языка» [Кибрик, 1977b] назывался «Динамическая грамматика» и представлял собой описание в духе модели «Смысл–Текст» с несколькими уровнями и связывающими их компонентами, причем правила-преобразования, соответствующие трансформациям раннего генеративизма, характеризовали глубинно-синтаксический компонент, связывающий глубинно-синтаксическое и поверхностно-синтаксическое представление, и поверхностно-синтаксический компонент, связывающий поверхностно-синтаксическое и глубинно-морфологическое представление. Из этого описания видно, что некоторая «работа» для правил, затрагивающих соответствие между формами и значениями, сохраняется,

однако в основном это правила, не меняющие синтаксических отношений, например, устранение фиктивных лексем, введение служебных слов или опущение равносильных лексем в глубинно-синтаксическом компоненте [Кибрик, 1977b, с. 160–171] или изменение управления аргументов при масдаре и в биабсолютивной конструкции, правила согласования, линейризации и замены на местоимения в поверхностно-синтаксическом компоненте [Там же, с. 180–210].

2. Функциональные признаки и ролевой тип

Вывод А.Е. Кибрика о ролевом характере дагестанских языков опирается не только на известные к тому времени факты ролевой ориентации падежного кодирования, классно-числового согласования и отсутствия пассива в восточнокавказских языках [Климов, Алексеев, 1980, гл. 3], но также и на результат впервые проведенного им для этих языков исследования функциональных приоритетных признаков аргументных ИГ. Систематическое изучение функциональных признаков в языках разных типов, в том числе с эргативной системой кодирования, началось с работ [Keenan, 1976; Anderson, 1976] и было вызвано необходимостью ответить на вопрос, обладает ли универсальностью категория подлежащего и, в частности, какая ИГ является подлежащим в эргативной системе. Поскольку падежное или предложно-последложное маркирование подлежащего различно в конструкциях с переходным и непереходным глаголом, С. Андерсон предположил, что учет функциональных признаков даст возможность увидеть единую синтаксическую роль подлежащего там, где соответствующая ИГ маркируется по-разному в зависимости от переходности глагола-сказуемого. К функциональным признакам ИГ можно отнести такие, которые определяют форму или позицию не их самих, а других элементов предложения; при таком понимании традиционно учитываемый признак согласования глагола с аргументными ИГ также является функциональным.

Оказалось, что дагестанские языки не проявляют ни последовательной ориентации на подлежащее, как предположил о языках с эргативной конструкцией С. Андерсон, ни последовательной синтаксической эргативности, т.е. ориентации на ИГ в абсолютиве – явления, впервые описанного Р. Диксоном в австралийском языке дирбал [Dixon, 1972] и впоследствии обнаруженного в менее последовательном виде в некоторых других языках с эргативной конструкцией [Kazenin, 1994]. Функциональные признаки в дагестанских языках оказались или нейтральными, т.е. не разграничивающими основных ролей, или ориентированными на гиперроль актора или (как классно-числовое согласование) на гиперроль абсолютива.

Каким образом можно связать нейтральность функциональных признаков или их ориентацию на гиперроли с ролевым типом языка?

А.Е. Кибрик исходил из предположения, что подлежащим является та ИГ, которая

- (i) единообразно маркируется – например, номинативным падежом;
- (ii) связана с информационной структурой – является, например, типичной темой;
- (iii) в результате залогового преобразования может «уступить» свое место ИГ с другой ролью и
- (iv) контролирует все или большинство функциональных приоритетных признаков.

Поскольку грамматической единицы, обладающей всеми перечисленными признаками, в дагестанских языках нет, выделять в них подлежащее (и соответственно другие члены предложения), согласно А.Е. Кибрику, не имеет смысла и, таким образом, эти языки относятся к ролевому типу.

Признак (i) наименее важен, т.к. форма подлежащего может быть разной в зависимости от грамматического класса глагола-сказуемого, что было впервые показано в [Anderson, 1976]. Корреляция с темой (ii) наблюдается не только у подлежащего, но и у ИГ с гиперролью актора. В отсутствие залоговых преобразований (iii) функциональные признаки неизбежно ориентируются на (гипер)роли или проявляют нейтральность, т.е. отсутствие выраженной ориентации. Таким образом, избыточность уровня синтаксических отношений (членов предложения) опирается на один-единственный признак – отсутствие залоговых конструкций. «Формирование залоговых трансформаций, продвигающих имена с другими семантическими ролями (не с ролью актора. – Я.Т.) в позицию подлежащего» [Кибрик, 1992, с. 196], оказывается определяющим признаком «реляционного» типа языка, в котором грамматика ориентирована на синтаксические отношения – подлежащее и дополнения.

По-видимому, А.Е. Кибрик исходил из дополнительной имплицитной предпосылки, что если в языке есть подлежащее – ИГ с признаками (ii–iii), оно контролирует функциональные признаки (iv). Таким образом, если функциональные признаки не избирательны (нейтральны) или ориентированы на (гипер)роли, подлежащего в языке нет.

Анализируя функциональные признаки в дагестанских языках, А.Е. Кибрик установил, в частности, что присоединение сентенциальных актантов обычно использует одну и ту же, т.е. нейтральную, грамматическую стратегию с опущением совпадающей ИГ, обозначенной в (7–9) как Ø в зависимой клаузе, независимо от грамматического статуса антецедента или мишени опущения, например, в чамалинском

языке, ср. различие инфинитивного оборота и придаточного предложения в русских переводах:

- (7) a. *wac-la* [Ø *jac* *č' ī-na*] *buq'da ida*
 брат-DAT сестра.ABS побить-INF надо AUX
 'Брату надо побить сестру.'
- b. *jac-la* [*wacu-d* Ø *č' ī-na*] *buq'da ida*
 сестра-DAT брат-ERG побить-INF надо AUX
 'Сестре надо, чтобы брат ее побил.' [Кибрик, 2003, с. 652]
 (впервые в: [Кибрик, 1980с, с. 6])

При оформлении сентенциальных сирконстантов, например, целых клауз, как в (8), также используется одинаковая стратегия независимо от того, какая из актантных ИГ совпадает в главной и в зависимой клаузе, ср. различие грамматических конструкций в русских переводах:

- (8) Лакский язык (хосрехский говор)
- a. [Ø *ninu d-uruč:in-širul*] *na u:k'u-ra*
 мать.ABS II-охранять-чтобы я I.пришел-1SG
 'Я пришел, чтобы охранять мать.'
- b. [*nit:i-l* Ø *uruč:in-širul*] *na u:k'u-ra*
 мать.OBL-ERG I.охранять-чтобы я I.пришел-1SG
 'Я пришел, чтобы мать меня охраняла.' [Кибрик, 2003, с. 480]
 (впервые в: [Кибрик, 1979b, с. 22])

Аналогично нейтральность по отношению к ролям ИГ проявляет сочинительное сокращение; А.Е. Кибрик иллюстрировал его примерами нейтральных деепричастий, конструкции с которыми проявляют свойства как сочинения, так и подчинения [Kibrik, Testelests, 2004, с. 287]:

- (9) Бежтинский язык (тлядальский диалект)
- ōže ist'i-q-na gos'oq-na* Ø *eļ'e-rō*
 мальчик брат-LOC-ADD смотреть-CNV уйти-AOR
 'Мальчик посмотрел на брата и ушел.'
 'Мальчик посмотрел на брата, и тот (брат) ушел.'

Нейтральным во многих дагестанских языках оказался, согласно А.Е. Кибрику, и признак контроля рефлексивного местоимения. И агент, и пациент может выражаться рефлексивом и быть его антецедентом:

(10) Хваршинский язык (инхокваринский диалект)

a. *už-a* *is:o* *ju-č* *šuk'-i*
 мальчик-ERG RFL себя.ABS-INS бить.AOR
 ‘Мальчик себя побил.’

b. *uže* *is:o* *is:-e-č* *šuk'-i*
 мальчик.ABS RFL себя-ERG-INS бить.AOR
 ‘Мальчик себя побил’, букв.: “Мальчика_i сам_i побил.”
 [Кибрик, 2003, с. 641] (впервые в: [Кибрик, 1980с, с. 42–43],
 подробнее см. [Khalilova, pp. 428–429])

Согласно данным А.Е. Кибрика, полученным на материале двадцати языков и диалектов Дагестана [Кибрик, 2003, ч. 6], функциональные признаки либо нейтральны, как в примерах (7–10), либо ориентированы на гиперроль актора – как, например, контроль рефлексивного местоимения в аварском языке, пример (11) из литературного языка, но в исследованном А.Е. Кибриком анцухском диалекте аналогично [Кибрик 2003, с. 456] (впервые в [Кибрик, 1981, с. 40]):

(11) a. *rasul-ic:a* ***žiwgo*** *sijah-alda* *q^w-ana*
 Расул-ERG себя.ABS список-LOC писать-AOR
 ‘Расул себя в список вписал.’

b. **rasul* ***žin-c:ago*** *sijah-alda* *q^w-ana*
 Расул.ABS сам-ERG список-LOC писать-AOR
 (ожидаемое значение то же)

Вывод о нейтральной или ролевой ориентации всех или большинства функциональных признаков аргументных ИГ в дагестанских языках впоследствии подтвердился [Лютикова, 1999; Кибрик, 1999, гл. 5–7, 9; Кибрик, 2001, разд. 5–6]. Выяснилось, кроме того, что и в языках западнокавказской семьи функциональные признаки обнаруживают те же свойства – нейтральность или, реже, ориентацию на гиперроли актора или абсолютива.

Так, лексический рефлексив *-qa* в абазинском языке, совпадающий с существительным ‘голова’, ориентирован на актора:

(12) a. *jara* *j-qa* *j-χ^wə-χ-d*
 он 3SG.M-голова (3SG.NH.ABS) 3SG.N.ERG-ранить-RE-DCL
 ‘Он сам себя (букв. «свою голову») поранил.’

b. *jara* *j-qa* *d-a-χ^wə-χ-d*
 он 3SG.M-голова 3SG.N.ABS-3SG.N.ERG-ранить-RE-DCL

Предложение (12b) допустимо только в аномальном значении ‘Его голова его поранила’, когда *-qa* выступает в качестве не рефлексивного местоимения, а знаменательного слова.

Все исследованные на сегодняшний день функциональные признаки именных групп в западнокавказских языках нейтральны или ориентированы на гиперроли актора или абсолютива. Например, в адыгейском языке на актора ориентировано образование императивных конструкций [Аркадьев и др., 2009, с. 80], употребление лексических и морфологических рефлексивов [Там же, с. 63–67], поведение матричных предикатов облигаторного контроля, требующих совпадения подлежащих в двух клаузах, типа *jevež'en* ‘начинать’ [Там же, с. 678] или конструкции «слабого переезда» [Там же, с. 694–695]. Другие функциональные признаки в западнокавказских языках противопоставляют абсолютивные ИГ аргументным ИГ в косвенном падеже, например, лично-числовое глагольное согласование [Алексеев, Климов, 1980, с. 29–32], морфологический реципрок [Аркадьев и др., 2009, с. 64] или формирование относительных конструкций [Там же, с. 72–73].

Справедливо ли предположение А.Е. Кибрика о том, что нейтральность или ролевая ориентация функциональных признаков является признаком ролевого типа, т.е. коррелирует с отсутствием пассива? Этот вопрос нуждается в специальном изучении на представительной выборке языков, но, по-видимому, наличие пассива не предполагает ориентации функциональных признаков на подлежащее. В русском языке агентивное дополнение в творительном падеже в пассивном залоге обладает функциональными признаками подлежащего в той же мере, что и пациенс-подлежащее, например, такое дополнение может быть антецедентом и аргументного, и посессивного рефлексива [Козинский, 1983, с. 14–16]:

(13) *Этот дворец был построен султаном для себя и своей наложницы;*

контролировать субъект вложенного деепричастного оборота [Ицкович, 1982, с. 135–136]:

(14) *Получив данные, будет выбран самый благоприятный момент для нанесения удара*

или целевого инфинитивного оборота с союзом *чтобы*:

(15) *Нами было сделано всё возможное, чтобы избежать огласки.*

3. Залог, конверсивы и структура глагольного словаря

Доказывая ролевой характер дагестанских языков, А.Е. Кибрик не привлекал в достаточной мере данные глагольного управления и ограниченно рассматривал материал конструкций, сходных с пассивом, и, к сожалению, эти аспекты проблемы за прошедшие десятилетия не привлекли к себе внимания исследователей.

Ролевой тип предполагает, что семантика глагола надежно предсказывает его управление. На первый взгляд кажется, что соотношение между ролями и способами их выражения в западно- и восточнокавказских языках действительно более последовательно, чем в языках «среднеевропейского стандарта» (принцип «одна роль – один падеж» в [Кибрик, 1992, с. 207]). Однако нельзя не обратить внимания на такие случаи, как переходные глаголы *levʷən* ‘видеть’ и *ʃən* ‘знать’ в адыгейском языке с ролями экспериенцера и стимула (другие глаголы аналогичной семантики попадают в класс непереходных или инверсивных [Аркадьев и др., 2009, с. 68]) или переходные глаголы *wec:ize* ‘хвалить’, *ħex:eze* ‘выдерживать, выносить’ в аварском, или *kʷeja* ‘искать’ и *goʎʷa* ‘звать’ в хваршинском языке. Какое количество употребительных слов такого рода требуется, чтобы опровергнуть принадлежность языка к ролевым? До сих пор, насколько нам известно, не было даже попытки поставить вопрос о количественном сравнении соотношения ролевой семантики и средств оформления аргументов.

Отсутствие пассива в западнокавказских языках было отмечено не позже [Ломтатидзе, 1956], и в [Алексеев, Климов, 1980] этот признак оценивается как одна из основных характеристик «эргативного строя» языков обеих семей. Тем не менее в некоторых языках северного Кавказа обнаруживаются конструкции, напоминающие пассив, и сам этот факт представляет вызов для идеи ролевых языков, потому что даже одна-единственная маргинальная пассивная конструкция требует грамматической модели, допускающей разные соответствия между ролями и морфологическими формами.

В.С. Храковский, недолгое время занимавшийся бацбийским языком, отметил в нем пассивную конструкцию:

(16) Бацбийский

a. <i>stʷakʷ-ov</i>	<i>ujstχ</i>	<i>larkʷ-ī</i>
человек-ERG	овца.ABS	стричь-PST
‘Человек постриг овцу.’		
b. <i>ujstχ</i>	<i>daħ</i>	<i>larkʷ-bal-ī</i>
овца.ABS	туда	стричь-PASS-PST
‘Овца пострижена.’ [Храковский, 1974, с. 23]		

В работе [Holisky, Gagua, 1994] сообщается, однако, что пассива в бацбийском языке нет, а используемый в (16b) суффикс превращает глагол в непереходный и устраняет агентивное значение – субъект совершает действие невольно и ненамеренно.

В дагестанских языках переходные глаголы образуют аналитическую конструкцию со вспомогательным глаголом, означающим ‘уйти’,

которая, возможно, проявляет свойства маргинального пассива (впервые на материале аварского языка в [Магомедова, 2006]).

(17) Аварский язык:

<i>di-q:a</i> (/* <i>di-c:a</i>)	<i>ʒeʃ</i>	<i>kʷana-n</i>	<i>ana</i>
я-LOC(я-ERG)	яблоко.ABS	есть-CVB	уйти.AOR

‘Я нечаянно съел яблоко; Так получилось, что я съел яблоко.’

Судя по семантике и форме субъекта в посс-эссивном локативе, но не эргативе, здесь также имеет место деривация с устранением агентивной семантики, однако неясно, сохраняется ли значение ненамеренности при отсутствии субъекта, и данное явление заслуживают специального исследования.

В адыгейском языке есть конструкции, синтаксически подобные пассиву – потенциалис и инадвертитив. При этом агенс-подлежащее при переходном глаголе получает статус непрямого объекта, а пациенс-прямое дополнение – подлежащего. Однако и в этом случае происходит изменение значения с устранением агентивной семантики [Letuchiy, 2012].

В северокавказских языках есть антипассивные конструкции, которые, на первый взгляд, меняют соотношение между ролями и формами их выражения: агенс-подлежащее переходного глагола в эргативе получает форму абсолютива, а пациенс-прямое дополнение оформляется косвенным падежом. А.Е. Кибрик усматривал в антипассиве изменение ролевой семантики: «в дагестанских языках это процесс, ориентированный семантически... действие мыслится как постоянный признак данного Агенса (и поэтому соответствует гиперроли абсолютива. – Я.Т.), Пациенс обозначает некоторый класс объектов, а не индивидуализированный объект (и поэтому гиперроли абсолютива не соответствует. – Я.Т.)» [Кибрик, 1992, с. 209]. В данном случае проявляется недостаток понятия гиперроли абсолютива: широкая и расплывчатая семантическая характеристика, под которую можно подвести слишком многое.

Принцип однозначного соответствия ролей и средств их выражения предсказывает, что в ролевых языках не должно быть лексических конверсивов, или «пар слов с обращенными ролевыми структурами» [Апресян, 1974, с. 260]. По-видимому, ряд русских конверсивных пар в кавказских языках в самом деле не находит соответствия: *сниться* vs. *видеть во сне*; *иметь* vs. *принадлежать*; *знать* vs. *быть известным*; *занимать* vs. *одалживать* и др., однако есть конверсивные пары типа арчинского *ʃ:ubus* ‘покупать’ vs. *oʒas* ‘продавать’, бежтинского *jizal* ‘выигрывать’ vs. *jüwäl* ‘проигрывать’ и др.

Аналогичным образом в ролевых языках не должно быть конверсивных пар глагольно-именных коллокаций с полувспомогательными («легкими») глаголами и именами ситуаций типа *оказывать влияние* vs. *испытывать влияние*, *совершать нападение* vs. *подвергаться нападению* (соотношение Op_{e1} и Op_{e2} на языке лексических функций, см. [Апресян, 2004]). По-видимому, в кавказских языках таких пар меньше, чем в русском, однако они обнаруживаются, например, в аварском языке: *dandēč:’ej habize* ‘оказать (букв. «сделать») сопротивление’ vs. *dandēč:’ej bix:ize* ‘встретить (букв. «увидеть») сопротивление’; *lazat š:’eze* ‘получить удовольствие’ vs. *lazat k:ezabize* ‘доставить удовольствие’; *tamiñ habize* ‘наказать’ («наказание сделать») vs. *tamiñhalde vorλ:’e k:eze* ‘подвергнуться наказанию’, букв «попасть под наказание».

Ясно, что без специального исследования на материале хотя бы одного языка вопрос о влиянии ролевой семантики на глагольный словарь остается нерешенным.

Заключение

Итак, отсутствие или маргинальность пассива – единственный признак ролевой ориентации, который проявляется в северокавказских языках более или менее последовательно. Ролевая или нейтральная ориентация функциональных признаков грамматического приоритета, по-видимому, не связана с ролевым типом. Способы выражения основных аргументов глагола в северокавказских языках не всегда ориентированы на роли, и встречаются конструкции с конверсивами, хотя ролевой тип предполагает, что таких парадигматических пар быть не должно.

Идея ролевых языков естественно возникла под влиянием теоретических поисков 1960–1970-х гг. и в итоге оказалась полезной и стимулирующей для описания ранее неизвестных фактов. Для решения проблемы грамматических асимметрий и приоритетов в языках северного Кавказа эта идея в первоначальном виде не очень перспективна и требует как минимум пересмотра и проверки.

Библиографический список / References

Апресян, 1967 – Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. [Apresyan Yu.D. Eksperimentalnoe issledovanie semantiki russkogo glagola [Experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow, 1974.]

Апресян, 1974 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974. [Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika [Lexical Semantics]. Moscow, 1974.]

Апресян, 2004 – Апресян Ю.Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3–18. [Apresyan Yu.D. On the semantic non-emptiness and motivation of the verbal lexical functions. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2004. No. 4. Pp. 3–18. (In Rus.)]

Аркадьев и др., 2009 – Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Под ред. П.М. Аркадьева и др. М., 2009. [Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka [Aspects of polysynthesis: Essays in the grammar of Adyghe]. Arkadiev P.M. et al. (eds.). Moscow, 2009.]

Арутюнова, 1972 – Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1972. С. 259–385. [Arutyunova N.D. Syntax. *Obshchee yazykoznavanie. Vnutrennyaya struktura yazyka*. B.A. Serebrennikov (ed.). Moscow, 1972. Pp. 259–385. (In Rus.)]

Ицкович, 1982 – Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982. [Itskovich V.A. Ocherki sintaksicheskoi normy [Essays in the Syntactic Norm]. Moscow, 1982.]

Климов, Алексеев, 1980 – Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980. [Klimov G.A., Alekseev M.E. Tipologiya kavkazskikh yazykov [Typology of the Caucasian languages]. Moscow, 1980.]

Кибрик, 1977а – Кибрик А.Е. Введение // Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов С.Д. Т. 1. М., 1977. С. 5–40. [Kibrik A.E. Introduction. *Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka*. T. 1. Moscow, 1977. Pp. 5–40. (In Rus.)]

Кибрик, 1977б – Кибрик А.Е. Динамическая грамматика // Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов С.Д. Т. 3. М., 1977. [Kibrik A.E. A dynamic grammar. *Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka*. T. 3. Moscow, 1977. (In Rus.)]

Кибрик, 1979а – Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С. 309–317. [Kibrik A.E. Subject and the problem of the universal model of language. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1979. Vol. 38. No. 4. Pp. 309–317. (In Rus.)]

Кибрик, 1979б – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 127. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for the typology of ergativity. 2. Lak. 3. Chirag. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 127. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1980а – Кибрик А.Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 132. М., 1980. [Kibrik A.E. Relationship between form and meaning in the grammatical description. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 132. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1980b – Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. № 4. С. 324–335. [Kibrik A.E. Predicate-argument relationships in the semantically ergative languages. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literature i yazyka*. 1980. Vol. 39. No. 4. Pp. 324–335. (In Rus.)]

Кибрик, 1980с – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for the typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khwarshi. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 130. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1981 – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 17. Хиналугский язык. 18. Будухский язык. 19. Крызский язык. 20. Аварский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 141. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for the typology of ergativity. 17. Khinalug. 18. Budukh. 19. Kryz. 20. Avar. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 141. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1992 – Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. [Kibrik A.E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya [Essays in general and applied linguistics]. Moscow, 1992.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables in language]. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Tsakhur in the typological perspective]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 1999.]

Кибрик, 2001 – Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei [Bagvalal. Grammar. Texts. Dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2001.]

Климов, Алексеев, 1980 – Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980. [Klimov G.A., Alekseev M.E. Tipologiya kavkazskikh yazykov [Typology of the Caucasian languages]. Moscow, 1980.]

Козинский, 1983 – Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983. [Kozinskii I.Sh. On the category of subject in Russian. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Vol. 156. Moscow, 1983. (In Rus.)]

Ломтатидзе, 1956 – Ломтатидзе К.В. К вопросу о категории залога в абхазском языке // Иберийско-кавказское языкознание. 1956. Вып. VIII. С. 212–214. [Lomtadidze K.V. On the category of voice in Abkhaz. *Iberisko-kavkazskoe yazykoznanie*. 1956. Vol. VIII. Pp. 212–214. (In Rus.)]

Лютикова, 1999 – Лютикова Е.А. Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. Е.В. Рахилиной, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 302–318. [Lyutikova E.A. Without subjects and objects: Reflexivization in Bagvalal. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k obasneniyu. k 60-letiyu Aleksandra Evgenevicha Kibrika*. E.V. Rakhilina, Ya.G. Testelets (eds.). Moscow, 1999. Pp. 302–318. (In Rus.)]

Магомедова, 2006 – Магомедова П.А. Семантика и синтаксис аварского глагола. Опыт семантической интерпретации синтаксиса: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. [Magomedova P.A. Semantika i sintaksis avarskogo glagola. Opyt semanticheskoi interpretatsii sintaksisa [Semantics and syntax of the Avar verb: An essay in the semantic interpretation of syntax]. Dr. diss. Moscow, 2006.]

Падучева, 1974 – Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974. [Paducheva E.V. O semantike sintaksisa [On the semantics of syntax]. Moscow, 1974.]

Услар, 1889 – Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. [Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. III. Avarskii yazyk [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. III. The Avar language]. Tiflis, 1889.]

Храковский, 1974 – Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого / Под ред. А.А. Холодовича. Л. 1974. С. 5–45. [Khrakovskii V.S. Passive constructions. *Tipologiya passivnykh konstrukttsii. Diatezy i zalogi*. A.A. Kholodovich (ed.). Leningrad, 1974. Pp. 5–45. (In Rus.)]

Anderson, 1976 – Anderson S.R. On the notion of subject in ergative languages. *Subject and Topic*. Ch. Li (ed.). N.-Y., 1976. Pp. 1–23.

Chomsky, 1999 – Chomsky N. Derivation by phase. *MIT Occasional Papers in Linguistics*. 1999. Vol. 18.

Dixon, 1972 – Dixon R.M.W. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge, 1972.

Dixon, 1994 – Dixon R.M.W. Ergativity. Cambridge, 1994.

Heath, 1977 – Heath J. Choktav Cases. *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, 1977. Pp. 204–213.

Holisky, Gagua, 1994 – Holisky D.A., Gagua R. Tsova-Tush (Batsbi). *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 4. R. Smeets (ed.). Ann Arbor, 1994. Pp. 147–212.

Kazenin, 1994 – Kazenin K. Split syntactic ergativity: Toward an implicational hierarchy. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1994. No. 47. Pp. 78–98.

Katz, Postal, 1964 – Katz J., Postal P. An Integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, MA, 1964.

Keenan, 1976 – Keenan E.L. Toward a universal definition of “subject”. *Subject and Topic*. Ch. Li (ed.). N.-Y., 1976. Pp. 303–333.

Kibrik, Testelets, 2004 – Kibrik A.E., Testelets Ya.G. Bezhta. *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 3. *The North East Caucasian Languages*. Part 1. M. Job (ed.). Ann Arbor, 2004. Pp. 213–295.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A grammar of Khwarshi. PhD diss. Leiden University, 2009.

Letuchiy, 2012 – Letuchiy A.B. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. *Ergativity, Valency and Voice*. G. Authier, K. Haude (eds.). Berlin; N.-Y., 2012. Pp. 323–354.

Plank, 1979 – Plank F. Ergativity, syntactic typology and universal grammar: Some past and present viewpoints. *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. F. Plank (ed.). L., 1979. Pp. 3–36.

Van Valin, 1993 – Van Valin R.D. A synopsis of role and reference grammar. *Advances in role and reference grammar*. R.D.Jr. Van Valin (ed.). Amsterdam, 1993. Pp. 1–164.

Van Valin, 2003 – Van Valin R.D. Exploring the Syntax-Semantics Interface. Cambridge, 2003.

Van Valin, Foley, 1980 – Van Valin R.D., Foley W.A. Role and reference grammar. *Syntax and Semantics*. Vol. 13. E. Moravcsik (ed.). N.Y., 1980. Pp. 329–352. [Рус. пер.: Р. Ван Валин, У. Фоли. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. А.Е. Кибрика. Вып. XI. М., 1982. С. 376–410.]

Van Valin, Foley, 1984 – Van Valin R.D., Foley W.A. Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Тестелец Яков Георгиевич – доктор филологических наук; профессор Учебно-научного Центра лингвистической типологии, Российский государственный гуманитарный университет; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Yakov G. Testelets – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Center for Linguistic Typology, Russian State University for the Humanities, Moscow; Leading Researcher at the Department for the Caucasian Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1431-4727>

E-mail: testelets@gmail.com